Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 29–39.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(8(514):29-39.

Научная статья

УДК 316.722

doi: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-29-39

ОТМЕНА РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анна Петровна Романова[1], Павел Павлович Мамонтов[2*]

[1]Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, aromanova_mail@mail.ru, 0000-0001-8537-4893

[2*] Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, ppm122010@mail.ru, 0009-0007-6145-3184

Аннотация. В данной исследовательской статье анализируется социальный феномен «отмены» российской культуры посредством трансформации политики памяти стран постсоветского пространства. Данный процесс, инициированный в середине 2010-х гг. т. н. «коллективным Западом» во главе с США, привел к формированию на территории ближайших геополитических соседей России специфического типа кэнселлинга, направленного на отмену духовного ядра нашей страны — культуры, а через нее — и России в целом. Авторы отмечают, что процесс «отмены» России расколол страны постсоветского пространства на два лагеря: условно «враждебный» (страны Балтии, Молдова, Украина) и «нейтральный» (Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан) по отношению к нашей стране. В статье аргументированно показывается, что процессы отмены в них будут различны: государства, относящиеся к первой группе, де-факто полностью «запретили» Россию в рамках своих границ; можно сказать, что конструирование их новой национальной идентичности происходит за счет тотальной деколонизации культурного пространства и замены советских (российских) нарративов собственными национальными. В «нейтральных» государствах преобладает выжидательная позиция, постепенно сокращающая присутствие российской культуры в своих регионах. Практически на всем постсоветском пространстве при этом наблюдается инструментализация памяти, в рамках которой история переписывается и представляет собой политический инструмент для разрыва отношений с Россией. Важным социально-политическим проявлением отмены выступает и снижение роли русского языка на всем постсоветском пространстве (за исключением Беларуси) в образовании, медиа и других сферах общественной жизни. Проведенный авторами анализ конкретных примеров отмены российской культуры показал, что эти акты представляют опасность и для самих «отменяющих» государств, поскольку безболезненно «вырезать» российскую культуру из исторической памяти народов бывших советских республик зачастую невозможно. Все вышесказанное дает основания сделать вывод, что процесс отмены российской культуры еще не принял необратимых форм, и в случае смены политических курсов и идеологических нарративов в рассматриваемых государствах культура России может вернуть утраченные позиции в национальной памяти и самосознании народов бывшего СССР.

Ключевые слова: отмена российской культуры, политика памяти, постсоветское пространство, социальная память, конструирование национальной идентичности, советское культурное наследие, инструментализация памяти, внешнеполитическое противостояние России

Для цитирования: Романова А. П., Мамонтов П. П. Отмена российской культуры в политике памяти государств постсоветского пространства: социально-политический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 29–39. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-29-39.

Original article

THE ABOLITION OF RUSSIAN CULTURE IN THE MEMORY POLITICS OF POST-SOVIET STATES: A SOCIO-POLITICAL ASPECT

Anna P. Romanova[1], Pavel P. Mamontov[2*]

[1]Astrakhan State University named after V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia, aromanova_mail@mail.ru, 0000-0001-8537-4893

[2*]Astrakhan State University named after V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia, ppm122010@mail.ru, 0009-0007-6145-3184

© Романова А. П., Мамонтов П. П., 2026

Abstract. This research article analyzes the social phenomenon of the "cancellation" of Russian culture through the transformation of memory politics in post-Soviet countries. This process, initiated in the mid-2010s by the so-called "collective West," led by the United States, has led to the emergence of a specific type of cancellation in Russia's closest geopolitical neighbors, aimed at the abolition of the spiritual core of our country – culture – and through it, Russia as a whole. The authors note that the process of "cancelling" Russia has split the post-Soviet countries into two camps: those conventionally "hostile" (the Baltic states, Moldova, and Ukraine) and those "neutral" (Armenia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, Tajikistan, and Uzbekistan) toward Russia. The article argues that the processes of cancellation will differ in these camps: states in the first group have de facto completely "banned" Russia within their borders; it can be said, that the construction of their new national identity is occurring through the total decolonization of cultural space and the replacement of Soviet (Russian) narratives with their own national ones. In "neutral" states, a wait-and-see approach prevails, gradually reducing the presence of Russian culture in their regions. Throughout virtually the entire post-Soviet space, however, an instrumentalization of memory is observed, in which history is rewritten and used as a political tool for severing relations with Russia. A significant socio-political manifestation of this abolition is the diminishing role of the Russian language throughout the post-Soviet space (with the exception of Belarus) in education, media, and other areas of public life. The authors' analysis of specific examples of the abolition of Russian culture demonstrates that these acts pose a danger to the "abolishing" states themselves, as it is often impossible to painlessly "excise" Russian culture from the historical memory of the peoples of the former Soviet republics. All of the above suggests that the process of abolishing Russian culture has not yet reached an irreversible stage, and that if political policies and ideological narratives change in the states in question, Russian culture could regain its lost position in the national memory and self-awareness of the peoples of the former USSR.

Keywords: abolition of Russian culture, politics of memory, post-Soviet space, social memory, construction of national identity, Soviet cultural heritage, instrumentalization of memory, foreign policy confrontation with Russia

For citation: Romanova AP, Mamontov PP. The Abolition of Russian Culture in the Memory Policy of the Post-Soviet States: the Socio-Political Aspect. *Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2026;(8(514):29-39. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-29-39.

Введение

Предпосылки к «отмене» целых государств через отмену одного из важнейших компонентов мировоззрения граждан этих государств — культуры — активизируются на рубеже 20–21 вв. Первопроходцами в данном процессе выступили Соединенные Штаты Америки, где политические элиты начинают активно использовать такие термины, как «страны-изгои», «неудавшиеся государства» («Rogue States», «Failed States») в отношении стран, с которыми у Штатов обострились геополитические отношения.

С середины прошлого десятилетия такие штампы относительно России начинают транслироваться в социальную память народов постсоветских государств, откладываясь в ней весьма прочно. Это можно интерпретировать как отражение того, что, по справедливой мысли М. Н. Зуева, «...эффективность межгосударственного сотрудничества в рамках СНГ оставалась весьма невысокой» [13, с. 499], хотя высшая политическая элита России предпринимала и предпринимает усилия по исправлению ситуации.

В итоге на постсоветском пространстве наблюдается вызревание специфического типа кэнселлинга, «отменяющего» Россию через табу и запреты ее духовного ядра — культуры. Значимую роль в этом процессе играет использование механизма «спирали молчания» — социального феномена, введенного в научный дискурс Э. Ноэль-Нойманн [21]. Суть ее действия сводится к тому, что люди не желают оказаться в изоляции, и им комфортнее скрыть истинное мнение по какому-либо вопросу, если есть основания предполагать, что они находятся в меньшинстве. Именно так и возникает отрицающее Россию «большинство»: под воздействием политических акторов, трансформирующих политику национальной памяти, граждане стран постсоветского пространства постепенно отдаляются от совместных советских культурных истоков, их поддержка и публичный интерес начинают становиться опасными. Кроме того, за 35 лет, прошедших с момента распада СССР, успело вырасти целое поколение, просто не знающее ничего о советских культурных ценностях и о том некогда едином социокультурном пространстве, в котором выросли их предки.

Материалы и методы исследования

В исследовании комбинируются общие научные и частные философские методы. Концептуальный анализ позволяет проследить различие в отношении к феномену «культуры отмены» в исторической памяти государств, представляющих постсоветское пространство. В рамках социополитического анализа отмены России особый акцент был сделан на обработке информации, касающейся внутриполитических и социальных

причин, побуждающих «ликвидировать» нашу страну, вывести ее из орбиты социально-политического влияния в странах, образовавшихся на осколках бывшего СССР. А проведенный авторами фактологический анализ позволил сделать вывод о важнейшей роли социально-политического фактора в формировании в национальной памяти соседних государств негативного облика современной России, способствующего ее отмене.

В качестве практического материала исследования выступает историческая, учебная и научная литература, изданная в последнее десятилетие (с 2015 г.) и раскрывающая этапы становления новой национальной идентичности в постсоветских государствах, а также информационные статьи в современных СМИ за 2024–2026 гг., описывающие конкретные факты «отмены» России в рассматриваемом социально-политическом ареале.

Основная часть

Не подлежащим сомнению фактом является то, что культура России выступает стержнем национального самосознания россиян, а потому и испытывает на себе наиболее ощутимые удары «враждебных» России стран. Их политические элиты прекрасно осознают, что бороться с нашей страной открытыми военными конфликтами, санкциями, революциями малоэффективно, а потому, на наш взгляд, делают ставку на разрушение страны изнутри — через деструктивные трансформации национальной памяти и народного самосознания, атаку на базовые ценности россиян.

Роль стран постсоветского пространства в этом процессе — во многом «догоняющая», копирующая действия т. н. «коллективного Запада». Однако именно в попытках «отменить» наше государство парадоксально наметился раскол в стане самих стран, желающих стереть память о России. Различные позиции в данном вопросе обнаруживаются в государствах Прикаспийского региона, условно «враждебных» странах западной части бывшего СССР и условно «нейтральных» государствах Центральной Азии. Рассмотрим позиции этих групп стран более подробно.

Государства Прикаспийского региона в поисках идентичности

Прикаспийский регион играет одну из ключевых ролей в формировании и поддержании устойчивой общенациональной идентичности. Его местоположение на стыке Европы и Азии, перекрестке логистических путей и культурных фронтиров позволило философу С. Б. Переслегину назвать эту местность «дугой нестабильности» [25, с. 46]. Определение весьма точно отражает социально-политическую нестабильность в регионе, характеризующуюся крайней степенью неоднородности социально-политического пространства на фоне существования на относительно компактной территории большого количества культур. По справедливому замечанию Е. В. Хлыщевой, данное обстоятельство дает возможность назвать историю стран Прикаспия «относительно общей», в рамках которой были сформированы «...достаточно прочные экономические, политические и культурные связи, что дает право позиционировать Каспий как особый макрорегион, обладающий относительно общей социокультурной идентичностью» [31, с. 114].

Внесем уточнение: понятие «общая идентичность» рассматривается нами с известной степенью относительности. В исторической памяти складываются образы, из которых формируется национальная идентичность, а стратегии политики памяти, какое бы государство мы ни рассматривали, будут иметь целью запрет того, что не дает обществу консолидироваться и ставит препятствия на пути преемственности поколений. В таких государствах, как Казахстан и Туркменистан, с 2010-х гг. активизируется процесс перехода от примордиалистского типа идентичности (в соответствии с которым она генетически обусловлена) к инструментально-конструктивистскому, понимающему личность в качестве социального конструкта, и объединение этих подходов [31, с. 115]. В итоге причиной недостаточной национальной сплоченности объявляется влияние на историческую память народов внешних культурных факторов и исторических событий, которое власти названных государств пытаются ограничить, в том числе через «отмену» ближайших соседей, в первую очередь России.

Таким образом, базовая идея «нациестроительства» в странах Прикаспия вытесняется «государственным строительством», основной целью которого становится поддержание институтов власти либо, что хуже, национализмом, ориентированным на возвеличивание «титульной нации» и ограничение других. В научных кругах этот феномен получил название политики памяти и забвения; под высокими лозунгами «борьбы за свободу» и «стремления к национальному единству» такая политика, по сути, переписывает историю. Рассмотрим влияние этих процессов на отмену России в Прикаспии более детально.

Базовым элементом политики памяти Туркменистана выступает идеологическая модель «Рухнама», значительный вклад в разработку которой внес бывший лидер государства С. А. Ниязов (Туркменбаши). В концепте, название которого

переводится на русский как «Великое историческое прошлое» раскрывается современная туркменская национальная идея, ориентированная на построение «национального бесклассового общества принципиально нового типа, не имеющего аналогов в исторической ретроспективе и в современном мире» [15], а центральное место занимает государство, если быть более точным — его лидер. После кончины Ниязова новый лидер республики Г. Бердымухамедов несколько убавил градус культа Туркменбаши, но внешнему миру страну так и не открыл. Вся информация о ней из открытых источников имеет откровенно пропагандистский характер, и в ней не находится места для критики правящей элиты Туркменистана. Ничего не изменилось в этом плане и с приходом нового президента С. Бердымухамедова. Так, под запретом продолжают оставаться такие виды искусств, как опера, цирк и балет, российские телеканалы доступны к просмотру только владельцам спутниковых тарелок, а любые новости из внешнего мира (в том числе из России) подвергаются жесткому контролю и цензуре.

Очевидно, с подачи «сверху» чиновники республики отказывают «старым» (т. е. советским) учебникам и научным работам в правильном освещении истории «туркменского народа в период Октябрьской революции и во время советского государственного строительства» [29]. Такими небольшими штрихами в памяти туркменского народа откладывается «неправильность» описания в современных книгах каких-либо проблем «традиционного» общества и даже «положительные оценки вхождения Туркмении в состав Российской империи. В итоге рвутся многие культурные связи между странами, и в подсознании народа растет недоверие к России, желание не принимать ее культуру, а по возможности — и «отменять».

Интересно, что в 70–80-е гг. 19 в. территории Туркменистана входили в состав Российской империи практически добровольно, в советское время Туркменская ССР также не обвиняла Москву в «давлении», но после распада СССР, одновременно со снижением влияния русского языка в стране, упреков в «насилии» со стороны России стало предостаточно. Наша страна становится «чужой», поскольку на фоне ограничения внутреннего культурного развития приход в страну иностранных культурных влияний может просто сломать закрытость и клановость социально-политического организма Туркмении, что продолжает оставаться для ее властей неприемлемым. Важным социальным проявлением такой политики является то, что, как отмечают Е. В. Хлыщева и В. Л. Тихонова, большинство туркменских студентов, обучающихся в Астраханском государственном университете им. В. Н. Татищева, прибывают в нашу страну с негативным настроем по отношению к России, который постепенно преодолевается [32, с. 118]; более того, знакомство с культурой и традициями России пробуждает у многих молодых людей стремление остаться там, где эта культура более репрезентативна и свободна.

Похожая картина наблюдается и в современном Казахстане. Специфика политики памяти в стране такова, что особое значение в ней отводится пересмотру истории с тенденцией отмежевания от российской культуры. «Вина» России здесь заключается, как ни парадоксально, в прогрессивной роли нашей страны в определении исторического пути Казахстана, которая трактуется жителями соседней страны как «колониальная политика царизма и советская тоталитарная система» [26, с. 180]. Так, широкое распространение получила мысль о том, что Казахстан был присоединен к Российской империи исключительно под влиянием некоторых «заинтересованных классов казахского общества» [2, с. 192], надеявшихся на военную помощь России в противостоянии Джунгарии, остальным же слоям населения такая коалиция была просто не нужна.

Другим примером политической пропаганды, направленной на отмену России, можно считать преподнесение принятия российского подданства Младшим жузом в качестве выгодной для хана «сделки» перед лицом внешней опасности. Политика имперской централизованной власти при этом называется не иначе как «направленная к усилению феодального гнета» [8, с. 123]. Кроме того, социально-политическим подтекстом современной культуры отмены можно считать обстоятельство, что российское подданство не дало Казахстану «прогрессивного развития», тогда как потенциальное подданство Джунгарии могло его дать. О казахском же народе сегодня все чаще говорят как об объекте колониальной политики имперской, а позднее — советской власти.

Интересным обстоятельством в рассматриваемом процессе можно считать то, что некоторые известные казахи, вначале боровшиеся против «царизма», а затем принявшие Октябрьскую революцию и активно строившие социализм в республике, составили корпус советских национальных героев. Наиболее часто встречающиеся фамилии — А. Иманов, С. Кубеев, У. Саурыков [14, с. 450–459]. Именно эти люди сегодня позиционируются в Казахстане как представители условно советской культуры, и они являются

связующим звеном между российской и национальной культурой.

Другой важнейший элемент, как бы негласно, исподволь убираемый из современной национальной культуры казахов, — книги, написанные на кириллице. Одновременно с сокращением их числа в библиотеках и повседневном обиходе нарастает «устранение» из Казахстана русского языка. Факт наличия в стране в начале 2020-х гг. «языковых патрулей», отрицаемый властями, косвенно подтвердил президент К.-Ж. Токаев, правда, назвав действия этих «дружин» «провокацией» [28]. И хотя происходящее в стране пока нельзя назвать «языковым террором», подобные факты выступают тревожным показателем постепенного дистанцирования казахских властей от российской культуры, снижения влияния российского культурно-информационного поля.

Еще одна модель социально-политического развития представлена в Азербайджане. Она базируется на основе непрерывного «...создания и формирования нации плечом к плечу с каждым новым приходящим поколением» [20]. Данная концепция, получившая в научной среде название «азербайджанство», провозглашает в качестве важнейших целей удовлетворение внутренних потребностей народа и его «специфических» интересов, что и вызывает диссонанс с российскими культурными достижениями, переносимыми на азербайджанскую почву. Им нет места и в ходе формирования «нации креативных людей» [20], как называют себя представители азербайджанских политических элит. Возможно, потому, что главной движущей силой данного процесса выступает президент республики, которому, как видно из работ современных политологов, российская культура видится потенциальной угрозой [9, с. 190].

Заметим: при всем сказанном выше прямого вытеснения «российского» из азербайджанской культуры не происходит. В то же время популяризируются сугубо азербайджанские праздники (самый колоритный из них, на наш взгляд, День национального спасения азербайджанского народа), переименовываются улицы, возводятся в ранг героев «древние предки», и все это происходит на фоне акцента на почитании своих традиций и культуры, воспитании в молодежи уважения к власти. Все это в совокупности привело к тому, что российское в памяти азербайджанского народа получило ассоциации с «травматическим». Так, государство активно использует память о формировании национальной идентичности в противоборстве с армянским народом, что, по мнению М. М. Федоровой и А. П. Романовой, способствует складыванию «...национального нарратива и внешней политики, формируя образ страны, которая существует «вопреки» и постоянно борется за свою независимость» [30, с. 468–469].

Исследователи считают, что в ближайшее время в стране будет искусственно укрепляться память о Карабахском конфликте, нарастать почитание Гейдара Алиева и его ближайших сподвижников, а азербайджанская версия истории будет интернационализироваться [30]. Естественно, что такое развитие событий логично будет подводить к отмене российской культуры, однако на уровне межгосударственных отношений картина выглядит более оптимистичной: так, 22 февраля 2022 г. была подписана Декларация о союзническом взаимодействии между РФ и Азербайджаном. В документе содержатся тезисы о необходимости сохранения духовной и культурной близости народов, обеспечения защиты, сохранения и развития культурного, исторического и религиозного наследия [10]. В целом же, исходя из содержания документа, можно сделать вывод о наличии оснований для конструктивного выстраивания диалога между Россией и Азербайджаном.

Между Россией и Европой: политика памяти и культура отмены на западе постсоветского пространства

Совершенно иную риторику предполагают отношения России с «западной» частью постсоветского пространства. Целая группа бывших советских республик (Армения, Грузия, страны Балтии, Молдова и Украина) проводит акцентированную антироссийскую политику, важным инструментом которой выступает агрессивная отмена всего, связанного с нашей страной, в первую очередь — культуры. Впрочем, и в этой группе стран политика памяти «отменяет» российскую культуру «по-разному».

Так, несмотря на заметные политические разногласия Азербайджана и Армении, социально-политический фактор отмены РФ действует в них похожим образом. Как утверждает В. В. Брюно, политика памяти современной Армении вобрала в себя попытки максимально отдалиться от культурно-исторического влияния нашей страны, что тесно переплетается с трансформациями внешнеполитического курса России, в первую очередь касающимися конфликта в Карабахе [6, с. 51]. Не менее удручающим фактором выступает переосмысление советской культуры, которая утрачивает позиции по сравнению с национальными, а иногда и прозападными

нарративами. Один из приемов здесь — упоминание советских культурных деятелей (например, Э. Кеосаяна, Ф. Мкртчана, А. Бабаджаняна) как сугубо армянских «героев», без упоминания их принадлежности к общесоветскому культурному наследию. Так они и входят в память армянского народа.

При этом наблюдается и дипломатическое дистанцирование от нашей страны, которая с середины 2020-х гг. не отражается в народной памяти как гарант безопасности Армении, а значит, теряет значимость в исторической памяти. Однако, как и в случае с Азербайджаном, полное устранение российской культуры здесь невозможно, учитывая многолетнее культурное сотрудничество с РФ, а также обширное русскоязычное пространство — вероятно, самое развитое среди всех стран Кавказского региона.

В завершение разговора о нем кратко рассмотрим проявления социально-политического аспекта отмены нашей страны в Грузии. После пребывания у власти М. Н. Саакашвили и событий августа 2008 г. в исторической памяти грузинского народа значительно агрессивнее продвигаются нарративы о том, что Россия — если не «враг», то «чужой», и проявления «чужести» здесь выражаются в активном демонтаже российских и советских символов: улицы массово меняют названия, а русский язык с 2005 г. приобретает статус иностранного. Все чаще в общественной полемике проскальзывает термин «оккупация» [19]. В связи с этим грузинскими элитами открыто провозглашается курс на евроинтеграцию, однако нередко, по наблюдению З. З. Бахтуридзе, происходит «реверс» к пророссийским методам и способам строительства государства [4]. Впрочем, вышеупомянутый политолог признает, что на первом плане в современной Грузии — такие процессы, как декоммунизация, снижение значимости русского языка в культуре и образовании и, самое неприемлемое в сегодняшней ситуации, пересмотр исторической подоплеки включения этих земель в состав Российской империи, начиная с причин Георгиевского трактата 1783 г.

В итоге в Грузии сформировалась политика памяти, отдаленная от российского культурного пространства: из музеев Тбилиси и больших городов «уходят» российские экспозиции, и желающие ознакомиться с достижениями нашей страны вынуждены делать это, посещая частные выставки и общественные пространства, например Patara Gallery или Artbeat [19]. Примерно то же происходит и в образовании, причем основной мишенью культуры отмены здесь является прежде всего советское прошлое. Сказанное, думается, дает умеренную надежду на то, что в исторической памяти грузин отмена российской культуры не трансформировалась в необратимые формы и изменение социально-политического фона сможет отменить эту «отмену».

Позиции отмены российского значительно усилились за последние 10 лет и в Молдове. Однако если в Закавказье рассматриваемый феномен возведен в систему в целом, то для молдаван в значительной степени зависит от политических сил, находящихся у власти в конкретный момент времени. Трудные в политическом плане времена для выстраивания отношений с РФ наступили в стране с приходом к власти М. Санду (2020 г.). Закрепив в исторической памяти народа негативный взгляд на советский период, власти периодически пытаются закрепить такое отношение на практике в виде запретов русского языка и устранения всяческих напоминаний о событиях имперской и советской эпох.

Интересно, что в отношении к российской культуре в политических элитах Молдовы наметился раскол. Так, лидер социалистов И. Додон неоднократно подчеркивал, что все акты «отмены» нацелены в первую очередь на раскол общества и отвлечение внимания социума от «жестокого кризиса, в который погрузило страну действующее руководство» [12].

Понимая неэффективность «одиночных ударов» по общественному сознанию, молдавские власти, одновременно с прямой отменой, «мягко» устраняют из вещания российские телеканалы. Так, в 2025 г. запреты были наложены на «Золотую коллекцию Мосфильма» и «Родное кино». По состоянию на апрель 2026 г. в стране запрещены уже 10 российских каналов, и молдаване лишены возможности не только узнавать новости из России, но и смотреть популярные российские и советские фильмы. Формально запреты были связаны с трансляцией фильмов о Великой Отечественной войне в «российской интерпретации», с которой у политических элит независимого государства серьезные разногласия [18], однако, скорее, это можно назвать негативной реакцией на включение в местную политику памяти упоминаний героических черт российского народа. Вкупе с нашумевшей историей 2024 г. о закрытии Русского культурного центра в Кишиневе можно констатировать довольно тревожное положение в международных отношениях с РФ, особенно в свете деклараций о сближении с Румынией и формировании «безроссийской» национальной памяти.

Пожалуй, самая критичная ситуация с отменой России, если не считать Украину, наблюдается

в Латвии, Литве и Эстонии. Правительства прибалтийских государств в таких действиях нередко парадоксально превосходят страны Евросоюза. В частности, русский язык в образовательных заведениях всех уровней находится де-факто под законодательным запретом, а учебники по русскому языку практически выведены из оборота. Как заявила министр образования, науки и спорта Литвы Ю. Шюгждинене, такая ситуация сложилась вследствие того, что в учебниках «прославлялась» Россия, и это негативно сказывается на политике памяти в стране. Показательно, что подтвердить свои слова конкретными цитатами представитель власти не смогла [7]. Из других резонансных событий отметим переименование театра Русской драмы в Вильнюсе, который сразу же лишился значительной части репертуара, поскольку многие пьесы и комедии так или иначе связаны с Россией. Социально-политический аспект отмены в Литве проявляется и во внедрении в народную память мысли о полном несовпадении исторического прошлого народов, а также акцентировании внимания на духовной близости к Западу.

Однако еще абсурднее ситуация в Латвии и Эстонии, где волна русофобии накрыла даже заведения общепита: отменяются кафе и рестораны, названия которых содержат слово «русский» или просто имеется отсылка к «русскому миру» [1], а владельцы этих заведений (к примеру, ресторан «Отс» в Таллине) даже не имеют российского подданства. На десятки идет счет и закрытым за последние пять лет телеканалам, которые власти идентифицируют как «пропагандистские».

Однако при всем при этом политические элиты стран Балтии, вероятно, начинают понимать, что полный отказ от русской культуры невозможен. В 2025 г. министр культуры Литвы Ш. Бирутис заявил, что не следует судить граждан и их культурные взгляды, исходя только из действий политиков, а вопросы приглашения творческих коллективов из России решать «частным порядком». Чиновник заявил, что «русский народ — это не Кремль», а россияне на протяжении долгого времени «...были нашими соседями и, вероятно, останутся ими в будущем» [21]. В этом же выступлении содержался призыв не подвергать травле и бойкоту россиян, живущих в Литве, только на основании национальности. В латышской и эстонской печати, как показал проведенный нами контент-анализ, таких заявлений еще не встречается, однако тотальная отмена России и в этих странах, думается, еще не стала намертво записанным в социальную память трендом.

Про отмену российской культуры в исторической памяти Украины сказано и написано довольно много, поэтому ограничимся рассмотрением ключевых положений этого социально-политического феномена. Отношения между нашими странами планомерно ухудшались со второй половины «нулевых», однако до тотальных призывов отменить все «русское» дело дошло к началу СВО. Президент В. В. Путин в связи с этим небезосновательно заявил, что «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» [3]. Комментируя данное высказывание, философ Л. В. Дериглазова отметила, что «кейс России примечателен тем, что отмене подвергается культура целой нации» [11, с. 24], чего невозможно было представить, допустим, в отношении Германии, потерпевшей поражение в обеих мировых войнах. Итогом такой отмены Украиной нашей страны стало кратное сокращение культурных и научных центров (оставшиеся сосредоточились преимущественно на востоке страны), и это можно считать ощутимым потрясением для социальной памяти украинского народа, который совершенно очевидно не желает проникновения конфликта между нашими странами еще и в сферу культуры.

Последнее можно утверждать с большой долей уверенности, поскольку Украина, в силу исторических особенностей и менталитета, является близкой российскому народу, и в ее исторической памяти остались не «бандеровщина» и «майдан», а позитивные моменты истории, связанные с единением, к примеру, Переяславская рада 1654 г. Этот тезис подтверждают и современные опросы, согласно которым примерно 40 % украинцев не только знают, но и используют русский язык, число же не владеющих им составляет менее 5 % [23]. Вывод, который можно сделать из этих цифр, наличие серьезного расхождения между социальными реалиями культуры отмены и политическими амбициями украинских правящих элит, «воля» которых сосредотачивается только на деструктивной «отмене». Представитель России М. Захарова отмечала в начале 2026 г., что по мере затягивания СВО киевский режим все активнее пытается переписывать историю, но пользы рядовым украинцам это не приносит: «Историческую память стереть невозможно, но вот украинцев [попытки переписать историю] может покалечить» [16].

Представитель МИД отметила также, что А. Алферов, руководитель «Института национальной памяти Украины», заявлял в конце 2025 г. о повышении статуса названной структуры, что может привести к началу «наступления за свое

наследие», что приближает «победу» в конфликте с Россией. В реальности же такие выступления только делают социальную память украинского народа более ангажированной, далекой от реальности, что может на поколения вперед лишить этот народ возможности свободного, объективного духовного выбора. В данный момент приходится лишь признать, что противопоставить что-либо системное «Институту национальной памяти» Россия не может; в это же время названная организация продолжает объявлять символами «российского империализма» все новых выдающихся людей нашей страны. В списке на «отмену» уже есть Александр Пушкин, Фёдор Ушаков, Иван Бунин, Александр Грибоедов, Михаил Кутузов, Михаил Глинка, Екатерина II [16].

Приходится констатировать, что в обозримом будущем эти (и не только) имена всеми возможными способами будут «вычищаться» из исторической памяти, а России остается противопоставлять этим ударам по культуре просвещение и донесение своей точки зрения о том, что наша страна не представляет угрозы для «культурного суверенитета» Украины, а переписывание истории в угоду сиюминутным амбициям политических элит — изначально тупиковый путь, деструктивные последствия движения по которому — культурная изоляция Украины и утрата страной объективных ценностных ориентиров.

Социально-политический аспект отмены российской культуры на востоке постсоветского пространства

В завершение нашей работы кратко рассмотрим роль социально-политического фактора отмены России в постсоветской Центральной Азии. В этом регионе отмена очень слабо «врезана» в историческую память и не предполагает полного разрыва с отменяемым. Так, в Узбекистане проводится «мягкий» вариант отмены даже не российского, а советского прошлого: переписываются учебники и справочная литература, дерусифицируются топонимы, а в истории превозносятся «свои» герои. К российской культуре в стране весьма определенное отношение: она, по мысли представителей политических элит, должна занимать скромное место, дабы не «оттенялась» национальная самобытность. Переименование улиц в честь собственных героев (Улугбека, А. Навои и др.) не носит массового характера и не происходит сразу, но также служит цели мягко акцентировать национальный колорит. Происходящие изменения весьма точно отражаются в статусе русского языка: Ф. Панжиева отмечает, что русский язык и произведения на нем присутствуют в школе и повседневной жизни, в первую очередь в городах, но притом, значение его неуклонно падает [24, с. 1113–1114].

Начало 2020-х гг. вносит свои коррективы в темпы и содержательную глубину процесса. Начало СВО спровоцировало усиление попыток отмены «русского» в Узбекистане, что не осталось без внимания российской творческой элиты, приезжающей в страну с гастролями. Так, бессмысленность попыток отменить и запретить русское подчеркнул С. Безруков, находясь с гастролями в Ташкенте [5]. Примечательно заявление актера об обращенности его слов в будущее: действительно, формирование национальной памяти жителей Узбекистана не завершено по сей день, и от конструктивного диалога между политическим руководством наших стран зависит выбор пути развития страны. Молодежь Узбекистана весьма неплохо осведомлена о достижениях и успехах российской культуры, что видно из наших наблюдений за узбекскими студентами, обучающимися в Астраханском государственном университете им. В. Н. Татищева, и эту позитивную тенденцию надо сохранять.

В соседнем Кыргызстане обнаруживается сходная картина: здесь русский язык имеет статус языка межнационального общения, данное положение прописано в Конституции, и «отмена» России во многом опирается на это положение. Конечно, политика памяти страны предполагает переосмысление имперско-советского периода в направлении акцентирования внимания на трагических событиях в национальной истории (национально-освободительное восстание «Уркун» 1916 г., сталинские репрессии второй половины 1930-х гг.), а на первый план в ней выходит мемориальный комплекс «Ата-Бейит», который, фиксируя и закрепляя различные аспекты национальной травмы, ставится в центр государственной идеологии. Среди важнейших ее компонентов — обоснование «деколонизации» и установление памятных дней в истории киргизского народа. Таковыми, например, являются 7–8 ноября, когда в высших учебных заведениях страны проводится анализ «травм» советского периода, а в школах — уроки патриотизма.

Одновременно с вышеназванными актами политические лидеры Киргизии неоднократно высказывались о недопустимости отмены нашей культуры. Так, зампред кабинета министров Э. Байсалов на форуме в Санкт-Петербурге в 2025 г. назвал русскую культуру «великой», подчеркнув, что нельзя поднимать «вопросы коллективной ответственности» в отношении культуры. По мнению политика, отмена России в социально-политическом смысле «...обречена на провал,

так как является элементом евроцентризма и высокомерной попытки диктовать моду миру» [17]. Думается, что официальный представитель Кыргызстана отразил реальное положение общественной психологии, поскольку культурный обмен с РФ, выставки, гастроли артистов и театров продолжаются на протяжении всего времени существования независимых постсоветских стран.

Важную роль социально-политический фактор отмены играет в Таджикистане, под влиянием которого, как и в соседних странах, снижается значение русского культурного компонента, а история своего народа проходит стадии удревнения и героизации [27, с. 80–82]. На фоне «мягкого» вывода русского языка из сфер науки, образования и повседневного быта формируются новые нарративы национальной памяти, сопровождающиеся такими процессами, как сокращение русскоязычного населения и переселение оставшихся в крупные города. Статус межнационального языка общения русский язык, однако, сохраняет: как и в Кыргызстане, данное положение прописано в Конституции.

Доктор политологии А. В. Скиперских небезосновательно утверждает, что активизация политики защиты собственного культурного наследия не противоречит зафиксированным в социальной памяти таджиков компонентам «русского культурного мира». Другими словами, Таджикистан остается тактическим союзником России, избегает политической конфронтации во имя сохранения отношений. Его официальная политика памяти более прагматична, нежели у соседей, а население, по-видимому, устраивает объем присутствия российской культуры в их коллективной памяти, поэтому есть все основания считать государство «нейтральным» для российского культурного присутствия и открытым культурному обмену с нашей страной.

Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что Россия стала одним из первых государств, в отношении которых с середины 2010-х гг. стала проводиться политика отмены. С подачи стран т. н. «коллективного Запада» ареной для «отмены» России становится постсоветское пространство, где посредством внедрения в социальную память «коренных» народов антироссийских и антисоветских нарративов наносятся удары по стержню российской национальной идентичности — ее культуре.

Парадоксальность и трагизм современной ситуации заключаются в том, что в отмене российской культуры заинтересован не социум новообразованных государств, а, чаще всего, их политические элиты, желающие возвысить собственную страну и народ за счет ослабления России. В этих попытках наметился раскол в стане самих отменяющих: выделились условно «нейтральные» по отношению к России страны (Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан) и образовался условно «враждебный» лагерь (Латвия, Литва, Эстония, Грузия, Молдова, Украина). Политика памяти, проводимая в странах первой группы, как можно убедиться из приведенных в данной работе примеров, подчеркнуто мягкая, она не делает акцент на отмене культурных достижений нашей страны, а только старается сбалансировать соотношение между национальными и российскими/советскими культурными достижениями. Политические элиты откровенно враждебных России стран ведут гораздо более агрессивную политику, целью которой является тотальная отмена всего российского и того, что может напомнить о совместных событиях из прошлого.

Значимую роль в процессе антироссийской отмены играет социально-политический аспект исторической памяти народов, несколько десятилетий назад объединенных одной исторической судьбой. Приведенные нами в работе примеры «отмен» России и реакции на них показывают значимость исторической памяти в отношении другого государства. Она является весьма динамичным понятием, склонна к отражению политической конъюнктуры, но выборочно «вырезать» что-либо из нее — задача непростая, особенно если речь идет о достижениях многогранной, имеющей глубокие корни российской культуры. Безоглядная «отмена» всего российского чревата проблемами для самих «отменяющих» субъектов, и когда последние осознают это, есть основания предполагать, что культура отмены постепенно сойдет на нет, в ходе трансформации своих целей став «культурой согласия». Предположим, что такая трансформация может начаться с политической сферы, постепенно перейдя в выгодный для всех государств постсоветского пространства «социокультурный симбиоз».

Список источников

1. «Абсурдные и оскорбительные вещи»: как на Западе атакуют рестораны русской кухни [Электронный ресурс]. URL: https://m.gazeta.ru/style/2022/03/09/14612863.shtml (дата обращения: 12.04.2026).

2. Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. 255 с.

3. Бабалова М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Российская газета. 2022. 28 марта [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-votmenu-kultury.html (дата обращения: 12.04.2026).

4. Бахтуридзе З. З. Внешняя политика Грузии в контексте развития международных отношений на постсоветском пространстве : дисс. ... доктора политических наук. СПб., 2016. 316 с.

5. Безруков сделал жесткое заявление о попытках запретить русскую культуру [Электронный ресурс]. URL: https://ura.news/news/1053009826 (дата обращения: 12.04.2026).

6. Брюно В. В. Политика «культуры отмены» в отношении России в восприятии российских и иностранных студентов // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4. С. 40–55.

7. В Литве изъяли учебник русского языка из-за «прославления России» // www.mk.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.mk.ru/politics/2022/09/15/v-litve-izyali-uchebnik-russkogo-yazyka-izza-proslavleniyarossii.html (дата обращения: 11.04.2026).

8. Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Москва : Госполитиздат, 1941. 367 с.

9. Гасанов А. О. Российская культура и культурная политика Азербайджана в 2020-е гг. // Сб. материалов конференции «Азербайджан в начале 21 века». Баку, 2024. Т. 1. С. 190–192.

10. Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5777 (дата обращения: 09.04.2026).

11. Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО. 2023. № 4. С. 7–32.

12. Додон: в Молдавии заговорили о сносе памятников, чтобы отвлечь людей от кризиса [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26300105 (дата обращения: 10.04.2026).

13. Зуев М. Н. История России : учебник для прикладного бакалавриата. 3-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2015. 545 с.

14. История Казахской ССР: с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алма-Ата : Академия наук Казахской ССР, 1949. С. 450–499.

15. Калишевский М. Туркменистан: Из «Золотого века» в «Эпоху Великого Возрождения» [Электронный ресурс]. URL: https://www.hronikatm.com/2013/12/turkmenistan-iz-zolotogo-veka-v-epohu-velikogo-vozrozhdeniya/ (дата обращения: 01.04.2026).

16. Киев наращивает борьбу с русской культурой, отметили в МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://russkiymir.ru/news/342814/ (дата обращения: 12.04.2026).

17. Киргизия выступила против попыток отменить русскую культуру [Электронный ресурс]. URL: https://portal-kultura.ru/articles/news/355855-kirgiziya-vystupila-protiv-popytok-otmenit-russkuyu-kulturu/ (дата обращения: 13.04.2026).

18. Кишинёв запретил вещание российских телеканалов с фильмами о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: https://russkiymir.ru/news/342693/ (дата обращения: 10.04.2026).

19. Культура на изломе: чем жил 2025 год в Грузии // Эхо Кавказа [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/kuljtura-na-izlome-chem-zhil-2025-god-v-gruzii/33637073.html (дата обращения: 10.04.2026).

20. Мехтиев Р. Азербайджанская идея в XXI веке в контексте нации креативных людей [Электронный ресурс]. URL: https://azertag.az/ru/xeber/Azerbaidzhanskaya_ideya (дата обращения: 09.04.2026).

21. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М. : Весь Мир, 1996. 352 с.

22. «Они были соседями и, вероятно, останутся»: в правительстве Литвы осудили тренд на отмену русской культуры [Электронный ресурс]. URL: https://klops.ru/other/2024-12-06/310276-oni-byli-sosedyami-i-veroyatno-ostanutsya-v-pravitelstve-litvy-osudili-trend-na-otmenu-russkoy-kultury (дата обращения: 12.04.2026).

23. Опрос показал долю говорящих на русском языке украинцев // Лента [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2024/11/14/opros-pokazal-dolyu-govoryaschih-na-russkom-yazyke-ukraintsev/ (дата обращения: 12.04.2026).

24. Панжиева Ф. Роль русского языка на территории Узбекистана // Экономика и социум. 2020. № 11 (78). С. 1111–1114.

25. Переслегин С. Б. Мезорегион Прикаспия: культурные коды и транспортные кольца // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2021. № 2 (1). С. 44–65.

26. Рыжичкин Н. Н. Постсоветский Казахстан. Пути формирования национальной идентичности // Свободная мысль. 2020. № 3. С. 175–186.

27. Скиперских А. В. Политика памяти в современном Таджикистане: от империи к национальному государству // Проблемы постсоветского пространства. Т. 5. № 1. 2018. С. 79–88.

28. Токаев назвал «языковые патрули» в Казахстане «провокацией спецслужб» // Ведомости (29 апреля 2022) [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/04/29/920440-tokaev-nazval-yazikovie-patruli-v-kazahstane-provokatsiei-spetssluzhb (дата обращения: 08.04.2026).

29. Тухбатуллин Ф., Айтаков С. Туркменистан: как пишут учебники истории // GÜNDOGAR. 2013. 5 ноября [Электронный ресурс]. URL: http://gundogar.org/?01105141510000000000000013000000 (дата обращения: 06.04.2026).

30. Федорова М. М., Романова А. П. Особенности политики памяти в Каспийском регионе: азербайджанский кейс // Galactica Media : Journal of Media Studies. 2024. № 4. С. 454–477.

31. Хлыщева Е. В. Специфика конструирования национальной идентичности в постсоветских государствах Прикаспия: проблемы и перспективы // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2025. № 1 (82). С. 113–125.

32. Хлыщева Е. В., Тихонова В. Л. «Культура отмены» как механизм конструирования национальной идентичности стран каспийского макрорегиона (на примере анализа учебной литературы Казахстана и Туркменистана) // Концепт : философия, религия, культура. 2023. Т. 7, № 2. С. 104–123.

Информация об авторах

А. П. Романова — доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социологии; главный научный сотрудник, директор Научно-исследовательского центра исследования проблем юга России и Прикаспия.

П. П. Мамонтов — аспирант 3-го года обучения кафедры философии, культурологии и социологии.

Information about the authors

A. P. Romanova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology; Chief Researcher, Director of the Research Center for the Study of Problems of the South of Russia and the Caspian Region.

P. P. Mamontov — 3rd year postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 10.05.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 10.05.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.